

Следующий вечер прошёл для него как в тумане. Он не помнил, как всё происходило. Чжао Ли звала его поесть — он ел, звала спать — он шёл спать. Он был немного лучше, чем ходячий мертвец, потому что в его голове всё ещё прокручивались те самые картины, вызывающие чувство вины и скорби. Эти образы всё ещё заставляли его страдать, но сейчас Чжоу Сяошу чувствовал, что он уже не ощущает боли. Он онемел, словно под действием анестезии. Он чувствовал, как что-то, будто нож, движется по его телу, но боли не было, только тупое ощущение, которое не причиняло страданий, но и не давало почувствовать себя живым.

Перед сном Чжоу Сяошу услышал, как Чжао Ли сказала ему:

— Сяошу, всё это уже позади, мы должны жить дальше. Мама не хочет, чтобы ты... ты понимаешь? Если ты будешь так себя вести, маме будет ещё тяжелее.

Чжоу Сяошу механически кивнул, а затем пошёл спать. Видя его состояние, Чжао Ли не могла не начать сомневаться, правильно ли она поступила, не слишком ли сильным оказался удар для Чжоу Сяошу.

И снова Чжао Ли не смогла уснуть. Ей с трудом удалось вырваться из прошлого, с трудом она смогла снова начать жить и спать спокойно. И теперь, из-за Чжоу Сяошу, она снова страдала бессонницей.

Чжао Ли потратила год, чтобы выйти из тени прошлого, чтобы заставить себя не думать о том, что уже произошло, не погружаться в те события. Хотя иногда она всё ещё плакала, погружаясь в глубокую печаль.

Шрамы, которые уже появились, не могут зажить полностью, не оставив следов. Чжао Ли прекрасно понимала, что она может только игнорировать их или найти что-то, чтобы их скрыть.

А сколько времени потребуется Чжоу Сяошу, чтобы справиться с этим?

Никто не мог дать такого обещания.

На следующее утро Чжао Ли встала очень рано и увидела Чжоу Сяошу, который уже умылся, оделся и с пустым взглядом смотрел куда-то вдаль, даже приготовив завтрак. Чжоу Сяошу давно научился готовить, потому что раньше по выходным Чжао Ли и Чжоу Пин были на работе. Но раньше Чжоу Сяошу всегда капризничал, просил Чжао Ли оставить еду или дать немного денег, или просто шёл к У Гану. Он всегда ленился, избегая работы, которую он не должен был делать, а затем, смеясь, как котёнок, укладывался на диван.

Чжао Ли тоже было жаль такого Чжоу Сяошу. Сейчас она так хотела, чтобы он лежал в постели, укрывшись одеялом, и, когда она приходила будить его, просил бы ещё немного поспать. Но чем более послушным и взрослым становился Чжоу Сяошу, тем тяжелее было Чжао Ли.

Но всё уже изменилось, и ничего нельзя было вернуть.

Чжао Ли не знала, что она сделала не так, и не знала, на кого злиться. На Чжоу Пина? Она не могла его ненавидеть. В нём было и хорошее, и плохое, и его ошибки нельзя было назвать непростительными. Вся та ненависть, что была раньше, уже давно исчезла со временем. Но сейчас Чжао Ли отчаянно нуждалась в опоре, в чём-то, что позволило бы ей спокойно смотреть на Чжоу Сяошу, который теперь нёс на себе бремя, не предназначенное для него.

Но не было никого, кого она могла бы ненавидеть. Чжао Ли могла злиться только на себя, но она не знала, в чём именно она ошиблась.

— Мама, иди умываться и завтракать.

В тот момент, когда Чжао Ли была готова разрыдаться, Чжоу Сяошу, словно только сейчас заметив, что она встала, улыбнулся и сказал это.

Увидев улыбку Чжоу Сяошу, Чжао Ли не смогла сдержать слёз. Чжоу Сяошу не умел врать, и эта улыбка была неестественной, словно вымученной. Быстро вытерев уголки глаз, она зашла в ванную и увидела в зеркале своё отражение, которое тоже пыталось улыбаться, но выглядело так же неестественно.

Они оба старались изо всех сил, чтобы успокоить друг друга, притворяясь, что всё как обычно, но оба совершенно не умели притворяться, и в итоге все вокруг понимали, что на самом деле им совсем нехорошо.

Чжао Ли умылась, почистила зубы и вернулась в гостиную, сев за стол. Чжоу Сяошу, увидев, что она села, медленно занял своё место и начал завтракать.

Завтрак прошёл без аппетита, но оба съели немало.

После завтрака было ещё рано, и, впервые за долгое время, Чжао Ли решила провести Чжоу Сяошу в школу. Чжоу Сяошу естественным образом взял на себя мытьё посуды, что вызвало у Чжао Ли ещё больше смешанных чувств.

Родители всегда хотят, чтобы их дети быстрее выросли, стали более ответственными, но они забывают, что рост требует жертв. И когда ребёнок наконец становится таким, каким его хотят видеть родители, они начинают скучать по тому ребёнку, который шалил, капризничал и ошибался.

Но уже слишком поздно.

Сегодня Чжоу Сяошу не поехал в школу на велосипеде. Он сел на заднее сиденье велосипеда Чжао Ли. Это был первый раз за два года, когда Чжао Ли сама отвезла его в школу. Чжоу Сяошу обнял маму, и прохладный весенний ветерок ласково касался его щёк.

Небо было светло-голубым, а голоса уличных торговцев, продающих завтрак, смешивались в своеобразную симфонию, наполненную запахом дыма и пыли.

Ветер шелестел в зелёных листьях деревьев, а утреннее солнце, поднявшееся на востоке, сбросило последние оттенки розового, оставив лишь нежный кремный свет, который пробивался сквозь листву, даря тепло и уют.

Птицы, улетевшие утром на поиски пищи, как раз возвращались в свои гнёзда, их звонкие трели смешивались с нарастающим гулом жизни, добавляя в эту повседневную симфонию нотку чего-то возвышенного.

Пухлые воробьи, казалось, неуклюже, но легко перепрыгивали с ветки на ветку, а затем, используя свои маленькие клювы, поправляли свои коричнево-чёрные перья. Несколько воробьёв собрались на бетонной площадке вдалеке, опустив головы и что-то ища на земле.

Красивая сорока взлетела на ветку, издав протяжный крик, а её крылья, освещённые солнцем,

отливали таинственным синим блеском.

В парке, через который они проезжали по пути в школу, пожилые люди занимались утренней гимнастикой, выполняя плавные движения тайцзицюань, похожие на течение ручья. Один из стариков нёс деревянную клетку для птиц, покрытую синей тканью, с блестящей медной ручкой, которая сияла мягким металлическим блеском.

Серебряные или седые волосы стариков отражали мягкий свет утреннего солнца, словно шёлк.

Но Чжоу Сяошу не обращал внимания ни на что. В его голове была только одна мысль:

«Что я должен сделать сейчас, чтобы мама не так страдала, чтобы ей стало легче».

Всё вокруг его не интересовало и не волновало. Его жизнь после бессонной ночи свелась к учёбе, экономии денег, сокращению всех внешних активностей и выполнению всех домашних дел.

Это был результат холодного и бесчувственного планирования, которое Чжоу Сяошу провёл прошлой ночью. Красота природы, цветы, птицы, мосты — всё это перестало иметь значение. Чжоу Сяошу, словно перед лицом катастрофы, строго ограничил свою жизнь в рамках своего плана.

Чжоу Сяошу был упрям. Он считал, что это действительно катастрофа, и что если он будет вести себя как раньше, то это будет неуважением к Чжао Ли, и он не будет хорошим сыном.

Он не мог понять, почему все говорили ему, что он должен жить счастливо, как раньше. Как он мог вести себя так, будто ничего не произошло, как он мог смеяться и шутить, когда всё уже изменилось?

Подъехав к школе, Чжоу Сяошу стоял у ворот и махал рукой на прощание. На его лице не было никаких эмоций.

Авторское примечание: Хорошо, весёлый и жизнерадостный Чжоу Сяошу исчез.

Его упрямство и склонность заикливаться на проблемах нуждаются в том, чтобы кто-то помог ему выбраться из этого состояния. И, конечно, эта задача ляжет на плечи У Гана.

Также решил немного изменить описание истории. Жду ваших предложений.

Автор любит вас.

<http://bllate.org/book/17717/1655894>